

УДК 821.512.162

Рейхан Бахрам кызы Дадашева,
диссертант

(Фольклорный институт Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку)
nerqizay@mail.ru

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ КОД ИМЕН ЭПИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ДАСТАНАХ

Статья посвящена анализу особенностей эпического содержания имен персонажей азербайджанских народных сказаний. Как известно, имена персонажей эпических текстов вписаны в мифологическую структуру. Исследование показало, что имена героев создавались по законам и принципам мифологического мышления. Эти имена отличаются довольно высокой семиотичностью, так как мифологическое мышление, доминирующее в эпическом коде, исходит из того, что всё является значимым. В статье на основе фольклорных, этнографических и лингвистических источников раскрывается мифолого-магическая сущность имен и прозвищ азербайджанских народных сказаний.

Ключевые слова: эпический код, миф, имя героя, прозвище, магия, мифологическое мышление.

Актуальность проблемы. Мифология, в том числе имена собственные, уходящие корнями в мифическое сознание, являются объектом рассмотрения исследователей многих сфер науки, в том числе языкознания. Этот научный интерес основан на том, что мифы отражают в себе историю общественного развития, прежде всего, этап формирования представлений об окружающем мире. Здесь наивность сочетается с фантастическим видением мира, его развития. Мифы достаточно глубоко укоренились в сознании людей, в особенности на ментальном уровне.

Мифы, через имена и прозвища, конструируют особенности фольклорных, эпических героев, помещают их в особую мифологическую реальность. Имена эпических героев всегда мифологичны. Имена дастанных героев становятся значимыми для потомков, когда вписаны в структуру мифа. В этом смысле история каждого героя – это миф, созданный сказителями.

Степень исследованности. Проблемы мифологии, помимо их классических проблем, затрагиваемых в истории литературы, являются предметом исследования этнографии, истории, философии, эстетики и этики. Издан словарь мифологических имен, эти имена достаточно популярны в быту, при написании художественных текстов часто используют мифологические имена. В частности, на вопросах роли мифологии в становлении этносов останавливался Л. Н. Гумилев [1], А. Ф. Лосев рассматривал содержательные характеристики имен, употреблявшихся в мифах [2]. Имена в мифологии разных народов, в частности, тюркских, рассматривали М. О. Ауэзов [3], И. В. Стеблева [4], С. Г. Малов [5], Тахмасиб [6], К. М. Абдулла [7], Ф. И. Урманчиев [8], П. А. Флоренский [9]. Некоторые из указанных авторов рассматривали имена также с точки зрения их социально-лингвистического смысла, т.е. особой реальности, связанной с менталитетом и особой, национальной культурой.

Предметом исследования в данной статье явились проблемы создания эпических имен, в том числе их мифологическое, героическое содержание и магический смысл. Тайный смысл имен носил характер оберега, признаки сущности именуемого. Был произведен качественный анализ текстов нескольких эпических сказаний и поэм тюркоязычного происхождения. Поиск шел в направлении выявления возможности мифологических имен указывать на героический характер героев, носителей этих имен.

Основное содержание. Имена эпических героев создавались по законам мифологического мышления. Создатели эпоса, сказители, верили в магическую связь слов и тех объектов, которые они обозначали. Магическое мышление сказителя – создателя эпоса почти не отличалось от первобытного мышления. В мифе раскрывается данная личность. "Имя личности есть то, что выражено в личности, что выявлено в ней, то, чем она является и себе, и всему миру" [2: 213–214]. Причем имя героя сказаний не простое, а магическое, поскольку с ним связано представление о чуде. Поэтому А. Ф. Лосев приходит к следующему выводу: "Миф есть развернутое магическое имя" [2: 214].

Эпические имена подчеркивают как раз те качества, которые составляют социальную ценность их референта. "Это бесконечно сильный и выносливый, совершающий фантастические деяния и одновременно обладающий предельно простым характером герой"; "герой мифа представляет силу, вносящую определенное оживление в жизнь общества в целом, становящуюся показателем этого общества, олицетворением его" [7: 55].

В древности, в обществе, сохранившем особенности родового строя, двумя именами – обычным и тайным – нарекались, видимо, все взрослые без исключения, поскольку обряды посвящения относились ко всем. По мере развития общества, его классового расслоения, появления единовластия этой привилегией стали пользоваться лишь определенные группы людей. Впоследствии в сознании народа это право было закреплено за эпическими героями, воплощающими в себе силу всего племени, народа. Сообщения о наличии у героя двух имен – обычного и богатырского – уходят в далекое прошлое.

Существовал такой обычай и в древнетюркском обществе, о чем пишет Л. Н. Гумилев: "Имя тюрка всегда указывало на его положение в обществе. Мальчиком он имел кличку, юношей – чин, мужем – титул, а если это был хан – то титул менялся согласно удельно-лестничной системе" [1: 90].

В азербайджанском языке эпический код этнической памяти породил имена-мифы. Эти имена отличаются довольно высокой семиотичностью, так как мифологическое мышление, доминирующее в эпическом коде, исходит из того, что всё является значимым. С точки зрения эпико-мифологического кода этого типа признаки, закрепленные в имени, становятся, прежде всего, признаками сущности именуемого.

Имя настоящего Короглу до столкновения с хоткаром, ослепившим его отца, было Ровшан. Ровшан был носителем сверхъестественной личности Короглы. В древнетюркских памятниках нередко сохраняется противопоставление имени, данному мальчику в детстве, его новому имени, полученному им по достижении определенного возраста или совершения богатырских подвигов.

Распределение древнетюркских имен по схеме: имена-пожелания (дезиративы), имена-посвящения (меморативы), описательные (дескриптивы) – показывает смену указанных стереотипов в различные исторические периоды, продиктованную особенностями представления о функции личного имени в обществе. Традиционно-древнетюркские личные имена носили возвышенный характер; составляющие их компоненты связаны с реалиями, обозначающими войну, победу, сокровище, красоту, любовь, могущество, благородство. К именам подобного типа относятся и тюркские богатырские имена, в состав которых входят определения алп, дэли, хан, коч. Они распространены во многих азербайджанских эпических текстах.

Первый компонент имени молодого тюркского богатыря Бамсы-Бейрек из "Книги моего Деда Коркута" связан со словом "богатырь". Сюда относятся узбекское – Алпомиш, казахское – Алпамыс, таджикское – Альпомыш, татарское – Алпамша, башкирское – Алпамыша. Как видим, во всех случаях имя героя начинается с общетюркского алып – алп "богатырь". Впервые это слово было зафиксировано в памятниках древнетюркской письменности – в сборнике о Йигин-Алп-Туран и богатыре Ынанчу алп [5: 24,57]. В отличие от ер-аг, оно имеет вполне определенное эпическое значение и подчеркивает богатырскую мощь и мужество. Поэтому на русский язык оно переводится – "смелый, герой" [4: 12]. По мнению И. В. Стеблевой, "тексты надписей в честь Кюль-тегина и Бильгекагана, возможно, являлись литературной трансформацией песен и героических сказаний, складывавшихся вокруг этих героев" [4: 95]. Если это так, то можно сказать, что с эпохи тюркских каганатов – тюркской эпической общности – и начинается общетюркское определение эпического богатыря словом "алп", получившим распространение в фольклоре практически всех тюркских народов. Все эти особенности тюркских имен отразились и в народном эпосе [10: 29].

В тюркской эпической ономастике (в "Книге Деда Коркута") зафиксированы такие компоненты, как "ер-är". Слово "ер-är" часто встречается в произведениях древнетюркской письменности. Уже в давние исторические эпохи оно связывалось с представлением о богатырстве и геройстве, хотя и сохраняло ясно выраженную тенденцию к стилистической нейтральности, означая не столько богатыря, героя, сколько просто мужчину, чаще всего – воина. И такое, например, выражение из "Памятника с р. Кемчик-Джиргак": "Äр атым jola", переведенное С. Е. Маловым "Мое геройское имя Йола", может быть переведено также и как "Мое мужское имя Йола". В древнетюркских памятниках нередко сохраняется противопоставление имени, данному мальчику в детстве, его новому имени, полученному им по достижении определенного возраста, или после совершения богатырских подвигов. Следует также отметить, что слово "är – ер" в древнетюркских памятниках ни разу не употребляется в составе собственных имён, в отличие от слова "alp-ann". Впоследствии, однако, слово "ер" приобретает то значение, в котором употребляется в героических сказаниях тюркских народов.

Имена многих героев (Кан-Туралы, Баяндыр, Газан...) азербайджанского эпоса "Китаби-Дэдэ Коркут" являются историческими. Прибавление же к ним эпических определений "ер" и "бахадур" связано с давними, по крайней мере – с архаическими традициями тюркского и тюрко-монгольского эпоса.

Имя в эпическом тексте – достояние и продукт магического, сакрального субстрата языка и этнического мышления. М. Ауэзов писал: "Лингвистически имя Манас должно означать либо наименование божества из пантеона шаманства, либо, что вернее, оно связано с манихейством, широко распространенным в ту пору в Средней Азии. Может быть, настоящее имя прославленного героя тех времен было иное, а позже, он, благодаря своим доблестям, был прозван именем божества – Манасом" [3: 166].

Имена героям-неофитам в азербайджанских дастанах дают мудрые старцы, дервиши – отшельники, шаманы, гадалыщицы. Эти маргинальные люди давали имена в связи с реальными предметами, явлениями природы. В сущности, имя превращалось в условный, символический знак. Имя, наречение вводит неофита в социальное пространство социума. Древняя традиция брать второе имя оставила свои следы в другом тюркском эпосе – "Короглу". В эпосе "Короглу" первые личные имена героев происходят

от апеллятивов и антропонимов, принадлежащих другим языкам (Ровшан, Хамза, Хасан, Джунун), а вторые основаны на материалах тюркского языка (Короглу, Калоглан, Гизироглу и др.).

Архаическое мышление воспринимало существа, именуемые мифологическими как реальные. Мифологизм являлся основным атрибутом средневекового восприятия действительности. Это проявляется и в том, что средневековый летописец при описании исторических событий испытывает на себе влияние сказок. В этом плане вполне естественно, что в традиции "шеджере", в родословном древе героя о Деде Коркуте говорится как о реальной личности.

Сопоставительно-типологический анализ показывает, что с функциональной точки зрения Деде Коркут идентичен с Ирчыл ходжа, с Улуг Тюрком, духами – покровителями инициальных церемоний в самые древнейшие времена. Впоследствии, в период дастанов Деде Коркут наделяется функциями покровителя семейных отношений, семейного очага.

Будучи мифологическим существом, Коркут в своем генезисе связан с мифологическим комплексом Матери – Земли.

В мифологической литературе существует мнение о комплексе Мать – Земля, и о том, что такие существа, как Умай, Ал анасы, Ерлик являются трансформациями этого комплекса. Шаман, как фигура, является олицетворением Матери-Земли. Мать – Земля бессмертна. Коркут Ата также избегает смерти.

В мифологии Мать–Земля является властительницей и потустороннего мира, носительницей духа предков. Мифологические и религиозные факты также дают полное основание для предположения об осмыслении Деде Коркута как носителя духа предков.

В азербайджанской тюркской эпической традиции Керэм, Асли, Гариб, Деде Коркут и др. – это мифические, почти сакральные, магические имена. Не отрицают возможности отождествления имени Короглы с солярным культом азербайджанские ученые [см: 2]. Например, основные персонажи дастана "Мехрибан" символизированы: Хавер хан – Восток, Мехр – Солнце, Мах-месяц, визирь Утарид – Меркурий, дочь Зохра – Венера, Бахрам – Марс, Ихштери – Юпитер, Энделит – Соловей [6: 309–310]. Названия "Короглу"... связано с астральным культом. Слово "Короглу" означает "сын духа, покровительствующего актом оплодотворения живых существ, т.е. утренняя звезда" [10: 66]. В некоторых дастанах имена героев отличаются метафоричностью. В основном это сказания астрального характера, в которых имена отличаются знаковой, символической сутью. Такие имена обстоятельно рассмотрены М. Г. Тахмасибом, который определил их символично-метафорическое значение.

М. Хатеми приходит к выводу, что Короглу является мифологическим образом, тесно связанным с религиозным верованием предков, их культом" [11: 18].

В азербайджанских дастанах после имени основное место занимает прозвище. Например, в дастане "Гачаг Наби" все члены отряда представлены прозвищами: Гачаг Наби, Телли Гара, Тунс Вели, Лэлэ Ковур, Ганлы Годжа, Васар Игид. "В отличие от первичных, настоящих имён эти вторичные имена не считаются частью самого человека, так что их можно без опасения разглашать, не рискуя поставить под угрозу безопасность называемого человека" [2: 265]. Многие единицы, употреблявшиеся когда-то в функции титула, постепенно проявляют себя и как прозвище, как лично-собственное имя, как компонент собственно сложного имени. Когда-то являвшиеся, по сути, титулом единицы со временем выступают перед лично-собственным именем только в функции прозвища. Ср.: Алы-хан ("хан"-титул) и Хан Кэрэм, Хан Эсли, Хан Чобан ("хан" – почетное прозвище).

Имя – миф, как зеркало, отражает образ сущности персонажа. Отрицательные качества выражаются адекватными средствами отрицания. Многие прозвища обусловлены принципом энантиосемии. Обжору называют "Кемхорек" ("малоед"), а толстяк получает прозвище "cürə" ("худой"), человек высокого роста именуется "gödək" ("коротышка"). В дастане "Ашыг Гериб" самохвала, бездарного ашуга зовут "Güloğlan" ("Цветок-мальчик").

Магия имён заключается в том, что они аллитерируются, то есть имя и прозвище дается человеку по принципу аллитерации с его личным именем: Sarı donlu Selcan xatun, Deli Dondar, Şir donlu Selcan xatun, Deli Dondar, Şir Şəmsəddin, Sofu Sandal, Qazılıq Qoca.

Начиная с "Книги моего Деда Коркута", в сказаниях-дастанах придалось большое значение аллитерированному сочетанию имени и прозвища: Qanlı Qoca ("Гачаг Неби"), Şahzadə Şahmar ("Махмуд и Агджакум"), Mehtər Murtuz ("Короглу").

Выводы. Таким образом, эпическую ономастику азербайджанского народа можно рассматривать как код, заключающий мифологическую информацию. Имена-прозвища в азербайджанских дастанах позволяют конструировать некую вторичную (мифологическую) личность. Ее основные качества состоят из героических и высоконравственных понятий. Особенности наименований героев, когда, помимо основных имен, они получали имена-обереги, прозвища за боевые заслуги, откладывались в народном сознании как особые архетипы, позволявшие идентифицировать себя со всем народом и с его лучшими представителями, повышать самооценку и улучшать мотивацию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумилев Л. Н. Древние тюрки / Л. Н. Гумилев. – Москва : Наука, 1967. – 504 с.
2. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – Москва : 2001. – 429 с.
3. Ауэзов М. О. Киргизская народная героическая поэма "Манас" / М. О. Ауэзов // Киргизский героический эпос "Манас". – Москва : 1949.
4. Стеблева И. В. Поэтика древнетюркской литературы и её трансформация в раннеклассический период / И. В. Стеблева. – Москва : Наука, 1976. – 216 с.
5. Малов С. Г. Енисейская письменность тюрков / С. Г. Малов. М.–Л. : Издательство АН СССР, 1952. – 118 с.
6. Тахмасиб М. Г. Азербайджанские народные сказания / М. Г. Тахмасиб. – Баку : Элм, 1972. – 397 с.
7. Абдулла К. М. Тайный "Деде Коркуд" / К. М. Абдулла. – Баку : Мутарджим, 2006. – 348 с.
8. Урманчиев Ф. И. Имя эпического героя / Ф. И. Урманчиев // Советская тюркология № 4. – Б. : Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1986. – С.22–34.
9. Флоренский П. А. Малое собрание сочинений / П. А. Флоренский. – Имена. Кострома : Купина, 1993. – 447 с.
10. Азизов Э. И. Короглу, Чэнлибэл, Мечь-Мисри [этимологические заметки] / Э. И. Азизов // Проблемы лингвистической географии, диалектологии и истории тюркских языков. – Баку : изд. БГУ, 1982. – С.60–66.
11. Хатеми М. К вопросу генезиса образа Короглу / М. Хатеми // Известия АН Азерб. ССР. – Баку : 1983, № 2.

REFERENCES (TRASLATED & TRANSLITERATED)

1. Gumilev L. N. Drevnie tyurki [Ancient Turks] / L. N. Gumilev. – Moskva : Nauka, 1967. – 504 s.
2. Losev A. F. Dialektika mifa [Dialectics of the Myth] / A. F. Losev. – Moskva : 2001. – 429 s.
3. Auezov M. O. Kirgizskaya narodnaya geroicheskaya poema "Manas" [Kyrgyz Folk Heroic Poem "Manas"] / M. O. Auezov // Kirgizskiy geroicheskij epos "Manas". – Moskva : 1949.
4. Steblieva I. V. Poetika drevnetyurkskoy literatury i eio transformatsiya v ranneklassicheskiy period [The Poetics of Ancient Turkic Literature and its Transformation to Early Classical Period] / I. V. Steblieva. – Moskva : Nauka, 1976. – 216 s.
5. Malov S. G. Eniseyskaya pismennost' tyurkov [Turks' Yenisei Writing] / S. G. Malov. – M.–L. : Izdatelstvo AN SSSR, 1952. – 118 s.
6. Tahmasib M. G. Azerbaydzhanskie narodnye skazaniya [Azerbaijani Folk Tales] / M. G. Tahmasib. – Baku : Elm, 1972. – 397 s.
7. Abdulla K. M. Taynyiy "Dede Korkud" [Mystery of "Dede Gorgud"] / K. M. Abdulla. – Baku : Mutardzhim, 2006. – 348 s.
8. Urmanciev F. I. Imya epicheskogo geroya [Name of the Epic Hero] / F. I. Urmanciev // Sovetskaya tyurkologiya. – B. : Izd-vo AN Azerbaydzhanskoy SSR, 1986. –S. 22–34.
9. Florenskiy P. A. Maloe sobranie sochineniy. Imena [Small Works. Names] / P. A. Florenskiy. – Kostroma : Kupina, 1993. – 447 s.
10. Azizov E. I. Koroglu, Chenlibel, Mech-Misri : [etimologicheskie zametki] [Koroglu, Chenlibel, Sword-Misri] // Problemy lingvisticheskoy geografii, dialektologii i istorii tyurkskih yazyikov. – Baku : izd. BGU, 1982. – S. 60–66.
11. Hatemi M. K voprosu genezisa obraza Koroglu [To the Point of the Genesis of the Image of Koroglu] / M. Hatemi // Izvestiya AN Azerb.SSR. – Baku : 1983.

Дадашева Рейхан Бахрам кизи Міфологічний код імен епічних персонажів в азербайджанських дастанах.

Стаття присвячена аналізу особливостей епічного змісту імен персонажів азербайджанських народних сказань. Як відомо, імена персонажів епічних текстів вписані в міфологічну структуру. Дослідження показало, що імена героїв створювалися за законами і принципами міфологічного мислення. Ці імена відрізняються досить високою семіотичністю, так само як і міфологічне мислення, домінуюче в епічному коді, виходить з того, що все є значимим. У статті на основі фольклорних, етнографічних та лінгвістичних джерел розкривається міфолого-магічна сутність імен і прізвиськ азербайджанських народних сказань.

Ключові слова: епічний код, міф, ім'я героя, прізвисько, магія, міфологічне мислення.

Dadasheva Reikhan Bakhran kyzy The Mythological Code Epic Character Names in Azerbaijani Dastans.

This article analyzes the characteristics of the content of the epic character names of Azerbaijani folk tales. As is known, the names of the characters of the texts are written in the epic mythological structure. Research has shown that the names of the characters created by the laws and principles of mythological thinking. On the basis of folklore, ethnographic and linguistic sources disclosed mythological-magical essence of names and nicknames of Azerbaijani folk tales. The Azerbaijani dastans after the name of the main place is occupied by a nickname. For example, in the epos "Gachag Nabis" all members of the squad are presented nicknames: Gachag Nabi Gara Telly, Tunxi Veli, Lele Cavour, Ganly Goja, Vasar Igid. "In contrast to the primary, secondary real names, these names are not considered part of the man himself, so that they can disclose without fear, without

risking to jeopardize the safety of a person called" [6: 265]. Many of the units, which were used at one time as a function of the title, and gradually reveal themselves as a nickname as a person-his own name, as a component of the actual name of the complex. When something is, in fact, the title of the unit over time, speak to personally own name only in the function of nicknames. The Azerbaijani epic ethnic memory code-names spawned myths. These names differ in quite high semiotics as the mythological thinking dominating in an epic code recognizes that everything is significant.

Key words: *code epic, myth, the hero's name, nickname, magic, mythological thinking.*